

ТРАВМА ПРОШЛОГО И СПОСОБЫ ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ « СЕМЕЙНОЙ САГЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ МАРИИ М. СТЕПАНОВОЙ « ПАМЯТИ ПАМЯТИ»)

Др. Манель БЕРРЕФАС¹

Abstract

В статье рассматривается проблема изображения травмы прошлого в современной русской литературе на материале книги Марии Степановой " Памяти памяти ". Исследование сосредоточено на трансформации жанра семейного эпоса, который в последней прозе теряет функцию непрерывного повествования и становится пространством критической рефлексии памяти. Особое внимание уделяется анализу основных категорий, таких как травма, тишина и архивация, которые составляют структурную и смысловую основу текста. Шок в творчестве Степановой проявляется в невозможности всеобъемлющего повествования и нарушении передачи памяти из поколения в поколение. Молчание рассматривается не как недостаток информации, а как форма исторически обусловленного травматического воспоминания, связанного с переживаниями изгнания и самоцензуры. Архивы, в свою очередь, понимаются как парадоксальное пространство между памятью и забвением, фиксирующее факты, но не восстанавливающее утраченный опыт. В статье делается вывод, что преодоление травмы " Памяти памяти " понимается не как символическое исцеление или примирение с прошлым, а как признание неполноты памяти и моральной ответственности современного субъекта по отношению к историческому опыту 20 века.

Ключевые слова: Травма прошлого- семейная сага- Мария Степанова -молчание- архив.

Received: 11/06/2025 ; Accepted: 25/11/2025 ; Published: 28/12/2025

Введение:

вопрос травмы прошлого занимает одно из центральных мест в новейшей русской литературе, что связано с важностью переработки исторического опыта 20 в, указанного войнами, наказаниями и жестокостью. В течение длительного времени, эти явления оказали влияние не только на общественную мысль, но и на систему семейной памяти, где травматическое познание нередко передаётся опосредованно, частично и через молчание. В условиях потери прямых свидетелей и разрушения механизмов передачи памяти из поколения в поколение литература стала одним из ключевых пространств для понимания исторической травмы. В этом контексте особое значение приобретает привычная форма семейной саги, поскольку наша современность претерпевает значительные изменения в современной литературе. Если в классическом понимании семейная сага служит хроникой преемственности и стабильности глобальной семьи, то в нашей современной прозе все чаще возникает проблема разрыва памяти и ее утраты. В таком тексте семья является не столько опорой идентичности, сколько местом, где проявляются исторические травмы и неразрешенные конфликты прошлого.

¹ Университет Оран2 им. Мохамеда Бен Ахмеда. Алжир Факультет иностранных языков, Email: berrefas.manel@univ-oran2.dz.

Роман Марии Степановой "Память памяти"— яркий пример такой трансформации жанра. Автор отказывается от традиционной линейной художественной литературы и создает гибридный текст, сочетающий в себе элементы биографии, научной литературы, архивных исследований и метаманиации. Прошлое предстает в этой работе не как целостная и поддающаяся восстановлению история, а как набор следов, фрагментов и пробелов, непосредственно связанных с травмирующим характером исторического опыта, вытесненного публичным и частным дискурсом.

Данная статья направлена на понимание того, как травма исторического прошлого представлена и сформирована в современной семейной саге и какие стратегии работы с памятью предлагает художественный текст в современности невозможности массового воспроизведения прошлого из книги Марии Степановой «Памяти памяти».

В этом контексте основной проблемой становится переразмывание концепции преодоления травмы: возможно ли это в условиях фрагментированной памяти, утерянных доказательств, моральных ограничений на художественное изображение чужих страданий? Современное модерн и восстановление целостного повествования, но как признание несоответствия, критической дистанции и ответственности современного субъекта перед прошлым?

Травма прошлого между фрагментацией и неспособностью рассказать историю

Травма прошлого в "памяти о памяти" [Степанова,2017] понимается прежде всего как невозможность целостного повествования [Ушакин и Е. Трубина,с.5]. Семейная история здесь лишена какого-либо героического или очищающего измерения. Она состоит из фрагментов биографий, кратких справок, фотографий и документов, которые не складываются в единое повествование. Эта фрагментация отражает не только потерю источников, но и нашу современную природу травматического опыта, который, согласно современным теориям травмы, противостоит символике возвращения суверенитета лишь косвенно.[Ассман,98]

Степанова последовательно отвергает иллюзию "Восстановление" прошлого. Она подчеркивает морально проблематичный характер присвоения памяти и страданий другого человека, избегая художественных спекуляций и эмоциональной драмы. Травма проявляется здесь не в описании насилия, а в отсутствии повествования о нем, в разрыве между знанием и пониманием, между документом и пережитым опытом.

Молчание как форма сохранения болезненной памяти

Особое место в тексте занимает молчание, которое перестает быть просто следствием забывания или недостатка информации. В "Памяти памяти" молчание предстает как исторически обусловленная форма памяти, сформированная советским опытом выселений [Hirsch,2012], страха и самоцензуры. Семейная история полна фигурами людей, о которых "почти ничего" не известно, чьи судьбы были прерваны или намеренно исключены из истории.[Ассман,2016]

Важно отметить, что это упущение не является плодом художественного воображения. Напротив, отказ от спекуляций становится принципиальной позицией автора. Степанова сохраняет паузы и пробелы, превращая их в морально значимое пространство. Следовательно, молчание интерпретируется не как дефект в тексте, а как семантический элемент, указывающий на глубину и необратимость травмы.

Архивные знания между памятью и забыванием

Архивы книги Степановой занимают двойственное положение. С одной стороны, они выступают в качестве основного инструмента для работы с прошлым, позволяя прикоснуться к ушедшим жизням через документы, фотографии, письма и официальные документы. С другой стороны, архивы оказываются в корне неполными и молчаливыми: они фиксируют факты, но не передают переживания страданий, страха и потерь. [Степанова,2017,с.45-47]

Таким образом, архивные знания не устраняют травму, а только подчеркивают ее, демонстрируя разрыв между документом и живой памятью. Особое значение имеет размышление автора о самом акте архивирования. Степанова показывает, что архивы не являются хранилищем нейтральной памяти, а представляют собой идеологически и исторически условную конструкцию, в которой одни жизни сохраняются, а другие бесследно исчезают. Работа с архивами превращается в критический анализ механизмов отбора, исключения и забывания.[Ассман,2016]

Семейная сага как повествование об этической ответственности перед прошлым

В результате взаимодействия шока, молчания и архивов в "Памяти памяти" формируется специфическая модель современной семейной саги. В нем отсутствует традиционная функция примирения с прошлым, и нет успокаивающего повествования. Напротив, семейная история здесь демонстрирует ограниченную память и невозможность полностью узнать прошлое.[Семейные узы, 156]

Методы преодоления травмы в тексте Степановой не связаны с символическим "исцелением" или примирением. Преодоление понимается как принятие неполноты памяти, выработка критической дистанции, осознание ответственности современного субъекта истории. Память выступает не как средство восстановления утраченного, а как форма моральных и интеллектуальных усилий, направленных на сохранение следов прошлого без их приукрашивания или мифологизации.

Введение

Таким образом, " Памяти памяти " Марии Степановой является примером современной семейной эпопеи, в которой травма прошлого осмысливается через отказ от целостного повествования и критическую работу с молчанием и архивами. Взаимодействие этих элементов позволяет автору предложить модель памяти, ориентированную не на утешение, а на ответственность перед историческим опытом двадцатого века.

В данном случае литература - это не пространство символического примирения, а форма размышлений об ограничениях памяти и возможностях свидетельства. Такой подход отражает общую тенденцию современной русской прозы, в которой современная семейная сага стала одной из главных жанров в понимании исторической травмы и её существования в настоящее время.

References

- Алейда Ассман; Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Бориса Хлебникова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
- Степанова М.М. «Памяти памяти»: Романс. — М.: Новое издательство, 2017.— 408с.—ISBN 978-5-98379-215-9.[pdf]
- Травма:пункты: Сборник статей / Сост. С. Ушакин и Е. Трубина. — М.: Новое литературное обозрение, 2009. — 903 с., ил. С.05
- [https://meduza.io/feature/2017/12/28/pamyati-12:26,28 декабря 2017](https://meduza.io/feature/2017/12/28/pamyati-12:26,28%20декабря%202017) Источник: Meduza/
- <https://www.svoboda.org/a/29098533.html> 14 марта 2018.